

ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ: УЖИНАТЬ, УЖИН

© 2003 А.А. Кретов

Воронежский государственный университет

Свидетельство суффикса =а=, присоединяющегося к первичным глагольным основам, находится в противоречии с этимологией, трактующей основу *ужин* как производную от слова *юг* [1; 2; 10].

Естественнее все объясняется отвержением исконной этимологии, освященной полуторавковой традицией, и предположением корня *зьн=/гин=* и приставки *у-*. В таком случае слово *ужин* - нормальное отглагольное существительное.

Акцентуационная противопоставленность слов УЖИН и уЖИН может свидетельствовать о семантическом расхождении слов.

Стоит обратить внимание на мнение В.И.Даля: “Ужинанье или *ужин*, действие по глаг. [Ужинать]”. Чередование в *ужина* – *ужна* (при принятии традиционной этимологии) требуют предположения о двух суффиксах =ин_а и =ьн_а, что маловероятно. Как производные от *ужинать* (> *ужина*) и *ужать* (> *ужна*) эти слова толкуются органичной.

Семантически обосновать связь *ужина* с глаголом *ужинать* помогают архаичные значения северных говоров: “*Ужина*, арх. сиб. | Пай, доля, часть добычи на каждого, на звериных промыслах. *Отпустить ужину*, *ужну*, арх. покрутить (снабдить и снарядить) работника на морской промысел, из *части добычи*, по условию. *Ужина покружена*, пай, доля пропита, ничего нет. *Ужинник* арх. или покрученник, нанятый и снаряженный на морской промысел. *Ужин*, *ужинать*, напоминает: *вжинать*, малорос. жадно есть, уплетать...” [3]. Далево сравнение с украинским *вжинати* “жадно есть, уплетать”, указывает на фонетическую неприемлемость сближения *ужина* с *югом*.

Следует обратить внимание на следующие значения слов *ужина* и *ужин*, представляющиеся приближенными к первичному: *Ужина*, арх. сиб. съестное, харч, запас в дорогу или на промыслы. *Ужина* ж. новг. пск. твер. *ужна* перм. ужин, вечерний стол, еда. *Ужин* и самый стол, яства, блюда, еда, пища, коею ужинают. [3].

Так *ужин* этимологически предстает как *дележ съестной добычи*, когда каждому участнику отрезается (“ужинается”) его доля, часть, пай и сама пища, еда, как результат дележа.

Данная этимология предполагает глубокую праиндоевропейскую древность слова, ибо отражает отношения первобытно-общинного строя. На глубокую древность слова *ужин* указывает и архаичность его отыменного производного *паужин* - *паужна*. Сближение со словом *юг* возможно только как позднейший народно-этимологический процесс.

Что касается синонимизации *ужина* с полдником у южных славян, то это, по-видимому, поздний процесс, связанный с вытеснением слова *ужин* более новым и более прозрачным словом *вечеря*. Именно временная немаркированность (наряду с затемненностью внутренней формы и народно-этимологическим сближением со словом *юг*) и позволила слову *ужин* при этом сохраниться, переместившись в промежуточную позицию “полдника”.

“Полуденная” семантика слова *ужин* в древнерусском языке - под большим вопросом. Интерпретация примеров, данная И.И.Срезневским в его словаре, во-первых, предвзята, а во-вторых, противоречива: “полдничать, закусывать после полудня”. Во-первых, этимологически *полдничать* - может означать только одно: “закусывать в полдень (*поль дни*)”, следовательно, надо определиться: либо это “закусывать в полдень”, либо – “закусывать после полудня”. Во-вторых, большая часть контекстов не позволяет различить *полдник* и *ужин*, а некоторые указывают скорее на *ужин*, чем на *полдник*: “И полетѣ соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и *ужинѣ*”. Сл. плк. Игор.; *Ужины* *нощъ воскресение в лёс не носити*. Запов. Тавр. вол. 1590. [4:1166].

Неоднозначен и единственный пример, который можно интерпретировать в пользу этимологии И.И.Срезневского: “*Иде поклотитя къ стму Михаилу в монастырь и оужина ту, а товары своя (постави) на Рудници; вечеру же бывшию, приде в товаръ свои*. Пов. вр. л. 6605 г.” [Там же]. Вполне правдоподобно, что человек разместил свой товар, пошел в монастырь, поужинал там и вечером возвратился. И менее правдоподобно (далеко уйти от своего товара - рискованно), что человек пополдничал в монастыре, а вернулся пешком (*приде*) лишь вече-

ром. Маловероятно и то, чтобы богатый человек отправился пешком на большое расстояние.

Таким образом, древнерусских примеров, бесспорно подтверждающих значение “полдник” у слова *ужин*, словарь И.И. Срезневского не дает. Примеры же, подтверждающие значение ‘ужин’, имеются.

На вторичность связи *ужина* с полуднем указывает тот факт, что более древнее и менее прозрачное этимологически слово *обед* имеет множество значений, указывающих на полдень и на юг, тогда как у *ужина* в словаре Даля таких связей нет. (Единичная связь такого рода со временем и пространством отмечается лишь у слова *паужна*: “*Паужинная* пора. *Паужник* м. арх. юго-запад, где солнце стоит, когда паужинают: | ветер оттуда, он же шелоник” [3]).

Особого разговора заслуживают слова *паобед* и *паужна*. В значении слова *паужин* “перекуска промеж обеда и ужина” (след. до ужина – А.К.) П.Я.Черных видит “память о старшем значении слова *ужин*” [5, Т.2:286]. Тем самым предполагается, что семантика *па-* равна семантике *по-* ‘после’. Ход рассуждения при этом таков: если слово *паужна* обозначает время между обедом и ужином и одновременно указывает на значение “принятие пищи в полдень”, то старшее значение слова *ужин* – “обед”, а приставка *па-* имеет значение “после”. Таким способом можно доказать, что “старшее” значение слова *обед* – “завтрак”, поскольку слово *паобед* означает “второй завтрак; время, близкое к полудню [т.е. обеду - А.К.]” [6, вып.25:203].

Хотя значение “утренний завтрак” у слова *обед*, действительно, имеется, причиной тому не этимологические, не словообразовательные, а лексико-семантические процессы, связанные с выпадением слова *завтрак* из лексико-семантической парадигмы приемов пищи: “*Утром - обед, так все ранее, вечером-то ужин*. Карпогор. Арх., 1959. Костром. *Раньше обед утром назывался, а в двенадцать - полдни*. Ряз. Казаки-некрасовцы, Свердлов., Ишим Тобол.” [6, вып.22:25-26]. Так, парадигма “завтрак - обед – ужин”, сменялась парадигмой “*обед - полдни(к) / паужна – ужин*” (ср. у Даля: “В арх. олон. перм. новг. крестьяне в 9 часов обедают (в работе, со светом завтракают), в 2 ч. паужинают, в 8 ужинают”) или усложнялась: “*завтрак - паобед - обед - паужна – ужин*”.

Семантика же приставки *па-*, как это следует из большей части диалектного материала, – “как бы, около, недо”: *дорога - падорога* “бездорожье”, *сынок - пасынок*. Во временной плоскости это значение чаще интерпретируется как “пред, до”, и значительно реже – как “после”. Поэтому *паобед* – время перед обедом, *паужна*, *паужин* –

время перед ужином. Диалектный материал это подтверждает, в подавляющем большинстве случаев располагая *паужну* перед *ужином* – в интервале от 12 до 17 часов [6, вып.25:276-281].

Примечательно, что (по свидетельству слова *паужинать*) *ужин* может свободно перемещаться по временной шкале: “*Паужинать* 1. Принимать пищу между обедом и ужином; полдничать; 2. Ужинать; 3. Обедать; 4. Есть между завтраком и обедом; 5) Завтракать [6, вып.25:278]. Этот факт свидетельствует, прежде всего, об исконной непривязанности слова *ужин* ко времени, а значит, и к югу. Такая хронологическая индифферентность была бы совершенно необъяснима, будь это слово этимологически связано с югом и полуднем. Как показал в свое время М.М. Покровский, связь между действием и темпоральностью регулярна и вторична: “*всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова*” [7:30].

В словообразовательном отношении *ужин* сближается со словами *у-лов*, *у-дой*, *у-кос*, *у-молот*. Учитывая тесную связь со срезанием злаков, можно предположить, что первоначально имелось в виду подведение дневных итогов не только охоты (мужчины), но и собирательства (женщины) с дежом добытого между членами племени. Исследуя внеславянские связи корня, обнаруживаем, что семантика “резать” через ступень “сечь” связана с “бить”. Следовательно, *ужин* мог означать и *у-бой* (пойманного животного для вечерней трапезы племени). Учитывая, что ранние значения глагола *гнать* “гнать, защищать” закономерно выводятся из значения “бить” (гнать – бить, погоняя, отгоняя; защищать, отгоняя ударами), нетрудно заметить формальную и семантическую сводимость глаголов *жну* и *гоню* (ст.-сл. *жену*) [2, Т.2:60].

Итак, имеются веские основания усомниться в традиционной этимологии, производящей слово *ужин*, от слова *юг*.

Во-первых, почти во всех славянских языках представлены формы *юг*, а не *уг*. Следы этой формы (видимо, аналогического происхождения) не без труда находят лишь в древнерусском языке (*угъ*) и северно-русских говорах (*ужный*).

Во-вторых, формы на *ju-*, и на *u-* для слов *юг* и *ужин* в славянских языках распределяются по-разному, что совершенно не понятно, если они родственны. Более того, в сербохорватском имеется оппозиция: *ужина* “полдник, закуска днем” (от *у-жать*) и *јужина* “оттепель” (от *юг*). Необъяснимо отсутствие начального йота в бол-

гарских, македонских и сербохорватских словах *ужина* “полдник или обед” Йот представлен только в словенском и устар. польском словах со вторичным (как результат вытеснения словом *večeŕja) значением “полдник” [5, Т.2:285]. Единственный способ попытаться спасти традиционную этимологию в этом аспекте – допустить, что болгарские, македонские и сербохорватские *ужины* - заимствованы из русского языка.

В-третьих, номинативная модель “сторона света” → “действие (прием пищи)” оказывается изолированной (нет производных *запад-ин-ать, *восточ-ин-ать, *север-ин-ать) и в высшей степени проблематичной, поскольку установленная на массовом индоевропейском материале модель номинации прямо противоположна: “действие → время совершения действия → местоположение солнца в это время”.

В-четвертых, в славянских языках суффикс =а= указывает на непроедную глагольную основу, а производные именные основы оформляются суффиксами =и= и =ов(а)=. Из этого следует, что первичным является глагол *ужинать*, а не существительное *ужин*, как это получается при выведении *ужина* из *юга*. От *ужин* следовало бы ожидать глагольных форм *ужинить, *ужиновать (ср. *вечерить*, *вечерять*, *дневать*, *ночевать*, *полудновать*).

В-пятых, от *юг* должно было бы получиться словосочетание *южна еда (*трапеза*), которое могло стянуться в прилагательное *(j)ужна, *(j)ужень, но не в (j)ужин, (j)ужина.

В-шестых, непонятно, какое значение можно приписать суффиксу =ин(а) в слове *ужин(а)*. Возможные варианты известны [8:120-123; 9:215-217].

Притяжательного прилагательного типа *кошка – кошкин*?

Нельзя: в *кошкин* нет 1-ой палатализации, как в *юг – ужин*, а кроме того, такие суффиксы присоединяются только к существительным на *а*: *папа – папин*, *мама – мамин*, но не *сын – сынин*.

Единичности, как в *господа – господин*, *литва – литвин*, *турки – турчин* или как в *горох – горошина*, *лед – льдина*, *рыба – рыбаина*?

Тоже не подходит: *юг* – не собирательное, а *ужин* – не единичное существительное.

Может, увеличительное, как в *дом – домина*, *дурак – дурачина*?

И это невозможно: *ужин* – это не “большой *уг”, а *ужина* - означало бы “большой уж”, а не “ужин”.

Может, абстрактное, как *глубь – глубина* или конкретное как *дуб-дубина*, *друг-другина*?

Тоже нет: *ужина* будет существительным по значению прилагательного *узкий*. Ср. фольклорное “...Испекли мы каравай вот такой вышины,

вот такой нижины, вот такой ширины, вот такой ужины”. Снова получаем не *ужин*.

Остается предположить “суффикс, встречающийся в единичных образованиях” типа **melti mel'o*, > *mlinъ* **kolti kol'o*, > *kъlinъ* [8:120].

Но и это предположение принять нельзя: (j)уг – не глагол, а существительное, а по этой модели *ужин* мог бы образоваться только от никогда не существовавшего глагола *учи {уг=Ø=тI_#}. Таким образом, если держаться известных науке фактов, в славянских языках слово (j)ужин не могло образоваться с помощью суффикса =ин от существительного (j)уг.

Указанных соображений достаточно для того, чтобы усомниться в истинности традиционной этимологии и обсудить научную состоятельность этимологии слова *ужин* как отглагольного имени, соотносимого с глаголом *ужАть-ужинАть*, с исходным значением “процесс и результат нарезания долей дневной добычи”. Производящим для приставочного глагола *ужАть-ужинАть* является бесприставочный глагол *жАть* - *жну* в древнейшем значении “бью, секу, режу”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970, S. 210.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. и доп. О.Н. Трубачева /Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. ТТ.I-IV, М.: Прогресс, 1964-1973.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка/ В.И. Даль: в 4 т. - М.: Рус. язык, 1978-1980.
4. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, т. 1, части 1-2, 1989, т. 2, части 1 - 2, 1989, т. 3, часть 1. 1989, т. 4, часть 2, 1989.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов/ П.Я. Черных: в 2 т. - М.: Рус. яз. 1993. Т.1: А-Пантомима. 623 с.; Т.2: Панцирь-ящур. - 560 с.
6. Словарь русских народных говоров, вып. 1-36, Л.: Наука, 1965-2002.
7. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию/ М.М. Покровский. - М.: Изд-во АН СССР, 1959.-382 с.
8. Sławski Franciszek, Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański, T. I, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974, S. 43-141,
9. Kiparsky V. Russische historische Grammatik, Bd. III. – Heidelberg, 1975.
10. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Учпедгиз, 1961.